

Я уже возвращался домой после третьей и последней командировки в Афганистан, когда узнал, что мой отец скончался. Я ждал, пока мы приземлимся в Германии, и у меня была информация о рейсе, прежде чем связаться с мамой по скайпу, чтобы сообщить ей, когда меня ждать.

"Ты получила мое последнее письмо?" - спросила она.

Я усмехнулась и протянула пакет с почтой, который получила накануне. "Они только что отдали мне всю мою почту за последние четыре месяца", - ответила я. "У меня еще не было возможности прочитать ни одного из них".

Ее лицо опустилось, и я увидел, как она сглотнула. Я сразу же насторожился. "Почему?" спросил я. "Что случилось?"

"Твой отец умер в прошлом месяце", - тихо сказала она. "Похороны состоялись через два дня, пятого числа".

Я рухнул обратно в кресло в центре связи. Моему отцу было около пятидесяти лет. Я планировал связаться с ним или его новой женой. Я был почти уверен, как он умер, но все равно спросил рефлекторно. Отец был дальнобойщиком, сколько я себя помню. Длительные отлучки были фактом жизни для меня и моей сестры, когда мы росли. В конце концов, мои родители развелись. Они ждали, пока Тереза закончит среднюю школу, прежде чем разойтись, а к тому времени я уже служил и был за границей.

"Его грузовик сорвался с домкрата и был прибит двумя другими полуприцепами", - грустно сказала мама, покачав головой. "Врачи сказали, что он погиб мгновенно, когда взорвался запасной топливный бак".

Папа уже пару раз попадал в аварии, но выходил из них целым и невредимым. Я была измотана и с трудом пыталась осознать случившееся. Лицо моей матери прослезилось на экране.

"Мне так жаль, Пол, - сказала она, - я могла бы подождать, чтобы сказать тебе...".

Я помахал рукой на экран. "Все в порядке, мама, правда", - сказал я. "Я собирался позвонить папе или Барбаре, как только закончу разговор с тобой. Я рада, что именно ты мне сказала. Я просто мало спала в последнюю неделю, поэтому сейчас я немного заторможена".

Я был немного удивлен, что никто не сообщил мне, пока мы были в поле, но мы были в глуши. Я все еще привыкал к тому, что вернулся в цивилизованный мир. Многие из того, чем занималось мое подразделение, было строго засекречено, и мы всегда находились в состоянии повышенной готовности. Я не привык к разговорам и с удивлением понял, что мама продолжала говорить со мной. Я пропустила большую часть разговора. Я раздраженно покачала головой.

"Прости, мам, - тихо сказала я, - я потеряла нить разговора. Что ты говорила о Терезе?".

Она грустно улыбнулась с экрана. Это был не первый раз, когда она видела меня в таком расстроенном состоянии после командировки. "Это может подождать до твоего возвращения домой", - сказала она. "Постарайся немного поспать".

"Да, мэм", - ответил я. "Я люблю тебя, мама. Не могу дождаться, когда увижу тебя".

"Я тоже тебя люблю", - сказала она. "Будь осторожен, сынок".

"Буду".

Я решил подождать до возвращения домой, чтобы позвонить Барбаре - новой жене моего отца, прожившей с ним три года, а теперь его вдове. После смерти отца не было ощущения срочности, а я был слишком измотан, чтобы заниматься тем, что, несомненно, будет эмоциональным обменом. Мне удалось немного поспать перед рейсом МАС в Штаты. В грузовом самолете было некомфортно, но мы все равно задремали. К тому времени, когда мы прибыли в Форт-Брэгг, ребята из моего подразделения были хотя бы немного отдохнувшими.

Два дня ушло на оформление документов, завершающих мой призыв. Как обычно, был обязательный день, проведенный в армейском госпитале, с дюжиной взятых образцов крови и еще одной горстью уколов. Я прошел через все это настолько, что уже почти не обращал внимания. Мне выдали чистое свидетельство о здоровье, справку об увольнении и официальное свидетельство, подходящее для рамочки, о том, что я с почестями демобилизован.

Было странно надевать гражданскую одежду, чтобы сесть на рейс домой. После четырех месяцев, проведенных во внутренних районах Афганистана, мой нос практически дергался при виде женщины. Даже слабые женские запахи, такие как шампунь, дезодорант и легкие духи, били меня как молотком. Мне приходилось бороться за контроль над собой, чтобы у меня не стоял стояк, как у какого-нибудь школьника-подростка.

В очередной раз я заснул в самолете. Меня разбудила стюардесса, легонько трясая меня за плечо. Мои глаза распахнулись от непривычного прикосновения, а ноздри разгорелись от чудесного запаха этой женщины, склонившейся надо мной. Только через секунду я понял, где нахожусь, и тихо поблагодарил ее за то, что она меня разбудила. Я достала свою дорожную сумку из-под сиденья впереди меня и держала ее перед собой, когда выходила из самолета. К тому времени, когда я дошел до выдачи багажа, я уже восстановил контроль над эрекцией, которую скрывал за маленьким рюкзаком.

Мама застала меня врасплох, когда обхватила меня сзади и слева. Я чувствовал себя виноватым, наслаждаясь ощущением ее мягких грудей, прижатых к моей спине и бокам. Ее знакомый шампунь и слабые духи вызвали во мне глубокий эмоциональный отклик. В уголке моего глаза появилась слеза, когда этот запах подтвердил, что я дома.

Я повернулась и крепко обняла маму. Она дрожала в моих руках, не стыдясь того, что плакала в объятиях своего сына в аэропорту. В горле у меня образовался комок, и я осторожно покачивал ее из стороны в сторону, прижимая к себе. Я не мог не обращать внимания на людей вокруг нас. Большинство из них, увидев мою военную стрижку, кивали в знак понимания. Но у одной женщины было очень странное выражение лица. Я не сразу понял, что ее возбуждает то, что мы так обнимаемся.

Мои чемоданы в конце концов спустились с карусели, и я собрал их. Я повесила рюкзак на плечо и понесла большие зеленые сумки, следуя за мамой к ее машине. Был теплый ранний летний вечер. Было что-то знакомое в запахах, доносимых ветерком, и приятной влажности, которая усиливала ощущение дома. Я улыбнулась, когда поняла, что чувствую.

В восемнадцать лет я не мог уехать из этого города достаточно быстро. После шести лет игры в героя в армии я с трудом мог поверить, что выжил, чтобы вернуться в это место. В горле снова образовался комок, когда я вспомнил о настоящих героях - хороших друзьях, которые отдали свои жизни на службе нашей стране. Я знал, что мне вредно заикливаться на этом, но все равно молча поблагодарил своих ушедших братьев.

Поездка от аэропорта до дома напомнила мне о том, как долго я отсутствовал. На месте, где раньше были сельскохозяйственные угодья и открытая прерия, появилось несколько новых жилых комплексов. Раньше аэропорт находился в нескольких милях от всего, но теперь вдоль шоссе были рестораны и другие предприятия. Я покачал головой и улыбнулся, глядя на них.

"О чем ты думаешь?" спросила мама с водительского сиденья.

"О, я просто смотрела на все эти новые дома и рестораны и думала, как долго меня не было", - ответила я. Я повернулась и посмотрела на маму, которая все еще улыбалась. "Но ты выглядишь именно так, как я помню", - сказала я.

Это не было ложью. Мама все еще выглядела как горячая домохозяйка, о которой фантазировали все мои приятели в младших классах. Она была на несколько лет моложе моего отца, но всегда была привлекательной. Она также была внимательной и заботливой, когда отца не было дома по несколько недель. Она улыбнулась мне, приняв мое заявление за комплимент. Эта великолепная улыбка просто растопила меня, как и всегда.

"Как хорошо, что ты вернулся, Пол", - сказала она. Она протянула руку и мягко сжала мое колено. Это было мимолетное прикосновение, но я был смущен своей реакцией на него.

Черт, чувак, подумал я про себя, тебе действительно нужно заняться сексом, и поскорее. Тебя слишком заводит собственная мама.

Когда мы подъехали к дому, он показался мне меньше, чем я помнил. Я фыркнула при этой мысли; я была дома в отпуске на прошлое Рождество и еще две недели перед нашей отправкой. По сравнению с маленькими горными хижинами, которые составляли большинство отдаленных афганских деревень, этот дом был настоящим особняком. Тем не менее, я провел в этом доме

всю свою жизнь, и он всегда казался мне больше в моем воображении, чем в реальной жизни.

Я взяла свои сумки с заднего сиденья и повернулась, чтобы последовать за мамой к входной двери. В обтягивающих леггинсах, которые она надела, ее широкая попа выглядела очень хорошо. Когда я понял, что не вижу линии трусиков, и что я пристально смотрю на мамину задницу в поисках линии трусиков, я перевел взгляд обратно на ее волосы.

У мамы слегка вьющиеся светлые волосы. У нее всегда естественный, слегка растрепанный вид, над которым, как я видела, другие женщины работают часами. У моей мамы он просто был. Она выходила из душа, коротко проводила щеткой по волосам, а потом у нее появлялся этот взгляд. Она повернулась и улыбнулась мне, затем слегка наклонилась передо мной, чтобы отпереть дверь.

Я не мог удержаться. Мой взгляд снова скользнул по ее попке. Сзади было мало света, но при повторном осмотре я был уверен, что под темными леггинсами на ней ничего нет. Я уловил слабый, но безошибочный запах женских духов, который ускользал от меня несколько месяцев. Мои колени на мгновение ослабли, и я осторожно выдохнул.

Я действительно скучала по запаху киски. Было обидно, что первой, которую я унюхал здесь, была мама. К тому времени, как я уложила свои вещи в гостевой спальне, я поняла, что у меня началось слюноотделение. Три других старших сержанта в моем подразделении были женаты. Я должна была представить, что они уже зарылись лицом в киску. Ну, кроме Кайла. Он всегда утверждал, что не выносит мысли о том, чтобы лизать сочный женский секс. Он, вероятно, был по уши погружен в свою жену еще до того, как я села в самолет.

Я тряхнула головой и фыркнула, чтобы выбросить эти мысли из головы.

"Что случилось?" - спросила мама с порога.

Я повернулся и усмехнулся. Я не мог сказать ей, что запах ее киски заставил меня возбудиться и думать о сексе, но я сделал все возможное, чтобы сказать ей правду.

"Я просто думал о том, что сказал один из моих приятелей перед тем, как мы покинули Брэгг", - сказал я. "Это было довольно грубо. Скажем так, у его жены, наверное, сейчас полно забот с ним".

Возможно, это был не лучший выбор слов. По выражению лица моей матери и по тому, как она покраснела, я понял, что она представляет себе женщину, у которой руки заняты мужским возбужденным стояком. Не знаю почему, но я почувствовал необходимость сделать еще хуже.

"Ну, может быть, не совсем ее руки..." сказал я.

"Пол!" - вздохнула она, - "достаточно". Ее румянец стал еще глубже. Очевидно, в ее голове

было столько же сексуальных образов, сколько и в моей.

"Прости", - мягко сказал я. Я понял, что я, вероятно, не единственный, кто долгое время обходился без секса. Насколько я знала, мама в последнее время не ходила на свидания.

Я разобралась в своих сумках и сложила свою гражданскую одежду в комод или повесила в шкаф. Осталась полная сумка формы, которую я высыпала на пол шкафа. Было тепло, поэтому я выбрал шорты и рубашку. Я принял долгий горячий душ, который помог мне очистить разум и успокоить возбуждение. Одеваясь, я не мог не оглядеть комнату для гостей еще раз. Когда мы были моложе, это была комната Терезы.

После моего отъезда моя старая комната превратилась в домашний офис, и отец перенес туда скамью для жима. Спальня Терезы стала более светлой после того, как она уехала в колледж, и теперь служила комнатой для гостей, когда кто-нибудь из нас приезжал. Я думаю, что моя тетя Тэмми - мамина сестра - останавливалась в этой комнате пару раз.

Но когда мы были детьми, я помню, как сестра звала меня в свою комнату, чтобы обнять ее после плохого сна или когда ее трясло от сильной грозы. Даже тогда я была сильной для нее, когда ей это было нужно.

Я закончила одеваться и вышла, чувствуя себя посвежевшей. Мама, очевидно, воспользовалась возможностью принять душ в это же время. Ее волосы были еще влажными, и она была одета в сексуальный маленький наряд, от которого у меня перехватило дыхание. Я никогда в жизни не видел ее в таком откровенном наряде. На ней было очень тонкое платье, которое доходило только до середины бедра. Эта тонкая одежда делала очевидным, что на ней трусики-бикини и никакого лифчика.

"Я думал, мы могли бы пойти куда-нибудь поужинать", - сказал я, оглядывая ее, - "но, похоже, мы остаемся дома".

"Извини", - сказала она, пожав плечами. "Мне не очень хотелось снова куда-то идти, и я с нетерпением ждала тебя дома, чтобы разделить со мной ужин. Я могу переодеться, если ты действительно хочешь пойти куда-нибудь".

Я мог сказать, что она действительно не хотела этого делать. Подумав об этом, я понял, что мне тоже не хочется никуда идти. Я снова улыбнулся ей.

"Остаться с тобой на ужин - звучит идеально", - сказал я. Я старался не думать об этом, пока ее соски заметно твердели.

Однако в течение вечера их стало невозможно игнорировать. У моей матери не огромная грудь, но она просто идеальна, и под этим платьем она была практически выставлена напоказ. Моему члену было все равно, что это моя мать. У меня была бурная эрекция все время, пока я был рядом с ней, пока не пришло время идти домой. О, у нас было несколько приятных

разговоров за ужином и после него за бутылкой вина. Я просто не могу сказать вам, что мы обсуждали, когда я лег в постель той ночью.

Но я вспомнил две вещи. Во-первых, Тереза и ее парень подумывали о помолвке. В этом не было ничего удивительного, они жили вместе уже больше года. Второе - мама позвонила Барбаре и сообщила, что мы, вероятно, приедем в гости, чтобы отдать дань уважения папе. Я воспользовалась этим, чтобы отвлечься от своих мыслей, пока лежала в постели.

Я думал о воспоминаниях, связанных с моим отцом на протяжении многих лет. Всю жизнь он был крупным, суровым парнем. Я улыбался, когда вспоминал, как он выходил из своей машины с огромной ухмылкой, рассекающей его всклокоченную бороду. Мы с Терезой вскрикивали и пытались вырваться, пока он не расцеловал нас в щеки с этой колючей бородой. Но он всегда нас ловил. С папой было очень весело, когда он был рядом. У него был дар рассказывать истории и заставлять нас чувствовать себя так, будто мы были там.

Я почувствовала холодок, когда до меня дошло, что его больше нет. Когда я лежала в кровати, я позволила эмоциям выйти из моего тела. Я плакала, и мое тело сотрясали рыдания, когда я вспоминала все те моменты, проведенные с моим отцом в течение многих лет. Я с нетерпением ждал очередного визита к нему и Барбаре. Черт, я ожидал, что у меня будет много таких визитов в течение многих лет, теперь, когда я вернулся в этот мир. Было ощущение, что у меня отняли что-то ценное, что я только начинаю ценить.

Тихий стук в дверь вывел меня из задумчивости.

"Войдите", - хрипло произнесла я.

"Ты в порядке?" - раздался мягкий голос моей матери. Я немного смутилась, осознав, что она меня услышала.

"Да, я в порядке", - сказала я.

Она толкнула дверь спальни. Свет, проникающий из коридора, освещал ее тело, и оно было слишком откровенным, так как прорезалось прямо через платье. Как будто она стояла в дверях в одних трусиках. Ее лицо было скрыто тенью, но ее волосы сияли как нимб, а изгибы ее тела заставили мой член запуститься под простыней.

Она прокралась к кровати и наклонилась, чтобы поцеловать меня в лоб. Клянусь, один из ее твердых сосков коснулся моего плеча, когда она это сделала. Я едва мог дышать, но когда я это сделал, мои чувства были атакованы ароматом ее, несомненно, сочной киски.

"Все хорошо", - прошептала она. "Я тоже скучаю по нему. Я просто рада, что теперь у меня есть ты, Пол".

Я подвинулся, и она скользнула ко мне на кровать. На мне все еще были шорты, но я уверен, что она почувствовала мою эрекцию, когда прижалась ко мне на кровати. Несмотря на мое возбужденное состояние, знакомый запах маминого шампуня и ее слабых духов снова убаюкал меня и дал ощущение безопасности. Я заснул с ней в объятиях через несколько минут.

Когда я проснулся на следующее утро, ее уже не было. Мне пришлось встать, чтобы опорожнить мочевой пузырь, а затем я снова лег в постель. Я проспал еще пару часов, прежде чем снова проснулся. На этот раз я знал, что мне снился очень эротический, откровенный сон. Моя эрекция требовала внимания, и я отодвинул простыню, спустил шорты с ног и начал поглаживать ее. Прошло всего несколько минут, прежде чем я достиг точки невозврата.

Я услышал, как мама задыхается в коридоре, и мотнул головой, чтобы посмотреть на открытый дверной проем, когда мой член извергся. Я выпустил несколько струек спермы на грудь и живот. Глаза моей матери были прикованы к моему члену, когда он извергался. Она выглядела невероятно, когда стояла там, задыхаясь от явного возбуждения. Наконец мне удалось укрыть от ее взгляда свой обмякший член, и тут ее глаза встретились с моими.

"Прости, мама", - задыхался я, - "я должен был закрыть дверь".

Она только покачала головой, что, конечно, заставило ее твердые соски колыхаться из стороны в сторону в этом полупрозрачном платье. "Все в порядке", - сказала она, сглотнув, прежде чем продолжить, - "Я должна была просто... Все в порядке. Не беспокойся об этом".

Она даже не потрудилась закрыть дверь и неуверенно пошла прочь по коридору. Я схватил свою выброшенную футболку с предыдущего дня и вытер свой торс, беззвучно проклиная себя за такую беспечность. Я остановился и замер на мгновение, когда услышал ее слабый голос, доносившийся из коридора. Я начал вставать, но потом понял, что она стонет.

Моя мать возбуждала себя, и я мог только представить, что она представляла себе мой извергающийся член, когда делала это. Я чувствовал себя ужасно грязным, но это меня возбуждало. Я снова покачал головой. Мне нужно было быть более осторожным рядом с матерью. Было несправедливо дразнить ее, да и мне это не помогало. У меня только что был сильный оргазм, и я уже снова был твердым. Хуже того, я думал о маме, и мне было так тяжело. Этого просто нельзя было допустить.

У нас был поздний завтрак, после того как мы оба смогли успокоиться. Ни один из нас не упомянул о том, что произошло ранее. Меня устраивало вести себя так, как будто ничего не произошло, и, похоже, она чувствовала то же самое. Во время еды я старался помнить о хороших манерах за столом. Когда я был в Афганистане, у нас не было времени об этом беспокоиться. Мы все, как правило, быстро поглощали пищу, и больше времени тратили на то, чтобы тщательно избавиться от упаковки и привести в порядок наш лагерь, чем на еду.

Мы должны были стать призраками, а призраки не оставляют после себя оберток и прочего.

Сейчас я был сосредоточен на том, чтобы снова стать цивилизованным человеком. Я

старательно убирал локти со стола и резал еду на маленькие кусочки, но мне требовалось достаточно много внимания, чтобы делать это последовательно. Это был не первый раз, когда я вернулся из-за границы и должен был работать над тем, чтобы не быть дикарем, и мама улыбалась, наблюдая за мной. Проглотив кусочек, я улыбнулась в ответ. Это принесло мне еще один восхитительный запах, и я мгновенно стал твердым.

"Мне нужно сегодня поработать над машиной", - сказал я, пытаюсь отвлечься. "Ты осмотрел ее с тех пор, как я уехал?"

<http://erolate.com/book/2600/62422>